
КАВКАЗСКИЕ ВОЙНЫ XXI ВЕКА

От редакции: Увы, реалии нашего времени таковы, что, спустя более полутора столетий России снова доводится вести кавказские войны. Самое существенное, что и в первой половине XIX века, и сейчас эти войны для России не завоевательные, но освободительные. Действительно, все пять войн с Персией и двенадцать войн с Османской Турцией Россия вела за Грузию, Армению и так далее, чтобы персы и османы не стерли эти народы с лица земли. Таким образом Кавказ и оказался под протекторатом России: «Под сенью дружеских штыков», — как сказал наш великий поэт. Сложнее дело с Дагестаном и Чечней, но и здесь Россия вынуждена была отстаивать свои геополитические интересы, а проще говоря — противостоять экспансии «англичанки»; в таком контексте именовали в России XIX века мировую интриганку Великобританию...

И нужно было СССР проиграть силам мирового зла Третью («холодную», информационную и так далее) мировую войну, чтобы Кавказ вновь стал козырной картой в руках извечных и нынешних «заклятых друзей» России: две Чеченские войны, теперь вот «Пятидневная война» с Грузией, которую некогда русские цари спасли от полного уничтожения. Понятно, кто затеял эту явно провокационную войну. Даже наши СМИ, непонятно (вообще-то понятно) кем направляемые, на время приумолкли в части исполнения надоевших «песен о мировом терроризме». Слишком явен стал облик этого мирового террориста. Но пусть каждый сделает вывод сам.

А мы представляем материал члена редколлегии нашего журнала Александра Агубечировича Хадарцева, нашего спецкора на позициях «Пятидневной войны», по зову души, как осетина, и долгу врача выехавшего в Южную Осетию сразу, как загремели залпы грузинских «градов» и ответные удары наших воинов:

«Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас?
Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал
До пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля...
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет Русская земля?..»

(А. С. Пушкин)

Александр Хадарцев
(г. Цхинвал — г. Тула)

ПО СЛЕДАМ ПЯТИДНЕВНОЙ ВОЙНЫ

Шел восьмой день от начала изуверского нападения подведомственных грузинскому президенту войск на территорию южной части Осетии. По Алагирскому ущелью, оставив позади ярко-зеленую одежду предгорий, серо-пыльная асфальтовая лента Военно-Осетинской дороги вывела нашу машину к зияющему зеву Рокского тоннеля.

Обогнав несколько колонн с гуманитарным грузом, еще две, или три колонны тяжелой бронетехники, мы поравнялись с вереницей боевых машин десанта (БМД), на броне которых в касках, с полной боевой выкладкой, в бронежилетах — сидели десантники. Лица их были серьезными, покрытыми то ли пылью, то ли боевой камуфляжной окраской. В закрепленных ящичках из плохо струганных досок, мешавших удобному расположению ног, по-видимому, хранились боеприпасы. Грохот гусениц лучше всякого оркестра сопровождал этим парням на их долгом марше в южном направлении.

Из пасти Рокского тоннеля поднималось сизое марево. Даже его четырехкилометровое жерло не успевало выветривать выхлопные газы от пробивающихся на Юг колесных и гусеничных средств передвижения и транспортировки. Время езды по тоннелю запомнилось не столько загазованностью воздуха (в Москве при стоянии в пробках не таким надышишься!), сколько размышлениями о природе русского словечка: «Авось!». Система вентиляции тоннелей по идее должна была обеспечивать многократный запас нагнетаемой, или генерируемой, пригодной для жизнедеятельности, дыхательной смеси, и удаление отработанного, насыщенного окисью углерода воздуха. Но проектировщики этого не учитывали. Авось обойдется!? А ведь связывающий Север с Югом тоннель должен был выполнять свои функции даже в период схода снежных лавин, когда не военный, а обычный мирный транспорт мог быть сутками заблокированным в гигантской трубе. Не хотелось думать о том, что когда-нибудь сотни людей окажутся отравленными выхлопными газами в этой рукотворной братской могиле. Авось этого не случится!

Нам судьба и покровитель дорог и путников Уастырджи, как в Осетии называют святого Георгия, подарили возможность вдохнуть до отказа наичистейшего горного воздуха, мгновенно заставившего поверить в неизбежность творящегося вокруг добра, несмотря на предстоящую встречу со Злом!

Слева, в низине — одиноко стоящее, наполовину разрушенное бомбежкой многоэтажное здание, продержавшееся в таком состоянии с девяностых годов прошлого столетия, со времени предыдущей грузино-осетинской войны. Солнце припекает, шины шуршат, горячий воздух обдувает лица, но в нависшей над головами тишине чувствуется тревожность, животное ощущение творящейся где-то рядом беды. Появились погруженные в зелень деревьев и садов дома селения Джавы (Дзау). Некоторые из них — иссечены осколками, крыши зияют черными дырами, поблизости — ни людей, ни скота. Следы обстрела грузинской авиацией. По улицам проносятся еди-

ничные черные свиньи, напоминающие собак, только лая — не слышно. Многочисленные пустые, заколоченные киоски, магазинчики, палатки только в двух-трех местах можно увидеть приметы былой шумной торговли.

Сразу за селением — блокпост. Вооруженные солдаты останавливают нашу машину. Дальше по обычной и короткой дороге до Цхинвала — пути нет. Впереди — большая колонна военных полностью перекрыла движение. Предложено ехать в объезд по Зарской дороге — «дороге жизни», как ее здесь называют. Она ведет в горы и крутым серпантинном уходит ввысь. После грузино-осетинской войны 90-х годов дорога была расширена, асфальтовое покрытие местами — хорошее, на остальном протяжении — покрыта плотно укатанным щебнем.

Запахавшаяся машина осилила перевал и легко покатила в сторону Цхинвала. На повороте — груды искореженного металла, по отдельным деталям которых можно догадаться, что это сгоревшие УАЗик и еще какая-то легковушка. Затем еще, и еще один автомобильный остов. Слева — надгробные кресты, много свежих могил. Через дорогу, в направлении кладбища движется траурная процессия. Человек пятнадцать мужчин и женщин в черном. В руках — узелки с поминальной едой. Это жители окраины Цхинвала — уцелевшие сами, но потерявшие своих родных и близких.

А вот и останки грузинского танка, будто изжеванного гигантским монстром. На самом въезде в город — еще два танка со снесенными башнями, закопченных, с обрывками одежды танкистов и какими-то фрагментами их тел. По улицам, ведущим в центр, вновь несколько подбитых танков со скомканной броней, больше похожих на консервные банки со свалки. Потянуло смрадом. Гнилостный трупный запах становится резче вблизи домов с подвалами. Каркасы строений по обе стороны улиц. Крыш нет. Стекол нет. Каждое второе здание почти полностью разрушено. Небо просвечивает через провалы на месте бывших окон. Следы огня и взрывов повсюду. Разбитые дороги. Правда, они ничем не отличаются от тульских. По крайней мере, ощущения после езды по ним — одинаковые. Стены домов иссечены осколками. Следов их так много, будто кто-то хотел сделать заготовки для гигантских сит. Это раны от разрывов снарядов «града». Самый центр Цхинвала. Здание Правительства — опаленный памятник незавершенной войны. На первых этажах его, в уцелевших помещениях, по-видимому, функционируют какие-то властные административные структуры, потому что туда и обратно снуют чубатые казаки в брюках с синими лампасами, отмечая какие-то командировки. На сохранившихся чудом на площади скамейках сидят по привычке старики, ведущие неспешный разговор о будущем. Напротив — руины бывшего театра. Перекрытий, как и крыши, нет. Будто из скорлупы стен огромной ложкой выскребли все содержимое. Это потом Гергиев со своим оркестром заставит перед этими руинами плакать тех цхинвальцев, которые никогда не слышали симфонической музыки такого уровня. Симфония Шостаковича из блокадного замерзавшего Ленинграда оказалась актуальной и близкой людям маленького южного города.

КОНЦЕРТ ГЕРГИЕВА В ЦХИНВАЛЕ

С экрана горько плачет осетинка,
не пряча вмиг полученных седин.
В Цхинвале выступает Мариинка,
а, значит, — завтра есть у осетин!

Убитые из-под земли восстали
мерцанием оплавленных свечей.
На площади в растерзанном Цхинвале
звучит бессмертной музыки ручей.

Она была понятной, откровенной —
для всех, кто слышать это чудо мог!
Им думалось о самом сокровенном!
С небес сошел непобедимый Бог!

Там Гергиев в величии печали
руками — звуки в гимны собирал.
Хребты домов, руины школ — молчали...
Был город, как один концертный зал!

Пока в сердцах есть ноты сострадания,
вольнлюбивый не сломить народ!
Цхинвал, как город, стерт до основания!
Цхинвал людей — по прежнему живет!

Не бывает войн больших и малых для тех, кто погиб, или потерял родственников, или оказался изувеченным телесно и морально. Это всегда большая война, большая беда, большая утрата, большое зло. Запах войны — запах ада на Земле. И те, кто начинает войну с собственным, или любым другим народом, кто обрушивает танково-артиллерийскую мощь на незащищенных женщин и детей, палит из «градов» по спящему городу с одной целью: уничтожить все живое, дабы избавиться от нерешенных проблем — обречены на гибель.

Еще перед поездкой в Осетию, в репортажах «Вестей» часто видел на экране осетинского мальчонку, в глазах которого были боль и удивление, а потом показывали шизофренически злые, но испуганные, глаза саакашвили. Его фамилию умышленно пишу с маленькой буквы. Это не человек. Уже тогда сложились следующие строки.

МАЛЬЧИК И ПРЕЗИДЕНТ

Народ привык глядеть в телеэкраны,
где ужас, секс и гибель каждый час...
Но почему же вдруг кровавой раной
всех поразил экранный красный глаз?

Их показали рядом, как нарочно.
Грузинский президент. И наш Пацан!
Один из них — болезненно порочный.
Другой — страдает от душевных ран.

Вот «демократ» фашистского засола,
вращенный дядей Сэмом «за бугром».
Там дом его, родня, семья и школа.
Ему плевать, что будет здесь потом!

В его портрете — суть наследства грубого.
Что есть — то есть! Нет челки и усов.
Есть психика Адольфа Шикльгрубера
и та же лживость не грузинских слов!

С улыбочкой и вскинутой ручонкой
над Грузией возвысился царек,
за океан смотрящий восхищенно.
Не фюрер он, а жалкий фюрерок!

Трусливостью рожденное нахальство
со страхом неизбежной кары ждет!
Но доллары подбросило начальство —
и он в клочки свою рубаху рвет.

Обман и геноцид — его деянья!
Проклятье на обманутый народ,
который он вовлек без покаянья
в кровавость дней, в войны водоворот.

А вот — Пацан в кепчоночке измятой
прикрыл рукой шепнувший что-то рот.
Ему что президенты, что солдаты...
Он объяснений и решений ждет!

В глазенках осетинского мальчишки,
как в зеркале, разрушенный Цхинвал,
ракетных взрывов огненные вспышки
и гаубично-танковый оскал.

В его глазах — две тысячи убитых
надежд, желаний, радостей, родных...
Две тыщи жизней, разом не дожитых...
И сотни детских люлек. Но — пустых....

В его глазах вопрос и ожиданье.
Кто виноват? И где найти ответ?
В них есть прощенье, боль и пониманье...
И только страха в этом взгляде — нет!

У предков страх не закрепился в генах!
Святой Георгий мальчика хранит!
Порок наказан будет — несомненно!
Но он не будет мальчиком забыт!

СААКАШВИЛИ

Трусливый президент смешон и жалок:
лохматый — внешне, скомканный — везде!
Мы памперсы пошлем тебе в подарок,
чтобы сидел прилично на суде!

Ты социально болен, невменяем,
к самоубийству склонный психопат!
Из-за «бугра» деньгами управляем,
и финиш твой — бездонный серный ад!

Нам памятни законы кровной мести
за оскорбленье родовых святынь —
отступникам без совести и чести,
способным на Освенцим и Хатынь!

Калоевых в Осетии немало,
готовых дать кинжальный свой ответ
на подлость, что покой людей сломала,
на ДНК оставив генный след!

От памяти людской нельзя укрыться!
Тебе грехи покоя не дадут!
И, если суд земной не совершится,
тебя найдет небесный высший суд!

Не избежать всевышней жесткой кары
за гибель многих тысяч осетин!
В глазах твоих не взрывы, не пожары,
а страх за месть рассерженных мужчин!

Кто кладбища с лицом земли равняет —
того проклятье наших предков ждет!
Кто святость древних храмов разрушает,
того Всевышний под землей найдет!

Святой Георгий Грузию покинул!
Пока ты там — его не вернуть!
Кто меч на свой народ из ножен вынул,
тому нельзя на этом свете жить!

В Цхинвал мы поехали втроем: я, Ростислав Качмазов и Алан Цогоев. У Ростислава в Цхинвале жил старый знакомый — Лев Пухаев. Когда мы уже собирались возвращаться, Ростислав предложил доехать до ул. Ленина, чтобы убедиться, жив его товарищ, или нет.

Около старых «Жигулей» спиной к нам копошился высокий, крупный мужчина лет шестидесяти пяти.

— Лева! Здравствуй, дорогой! Я рад, что ты жив! — бросился к нему Ростислав.

— А я возмущен, что ты до сих пор не нашел времени проведать меня!

Но, сквозь наигранно грубые слова, сквозило и братская нежность, и радость неожиданной встречи, да еще в такое время! Слезы радости на глазах выдавали истинные чувства этого большого человека.

— Прошу в дом! Посмотрите, что от него осталось! Что с нами за одну ночь сделали грузины...

Дома, как такового, не было. Взрывом тяжелого снаряда вынесло все внутренности второго этажа, погнуло железобетон перекрытий, толстым слоем пыли, обломками и мусором покрыло все на первом этаже.

— Заходите! Здесь, на открытой летней кухне есть баллонный газ, только что передали «гуманитарку» — два батона хлеба, есть кусок сыра, на огороде — помидоры, пожарю яичницу. Самое главное, снаряд не достал до подвала, а там есть достаточно вина, чтобы встретить друзей! Вот только, извините, в первый раз за свою жизнь не смогу угостить вас мясом!

Мы дружно, в один голос: «Какое мясо?! Слава Богу, что ты жив, что мы встретились, что Уастырджи сохранил тебя во здравии!»

Тем не менее, через несколько минут стол был накрыт. Это была тризна по временно ушедшим, по жертвам варварского нападения.

ДЕНЬ В ЦХИНВАЛЕ

Кто видел взгляд того, другого света
с зияющей бездонностью — в упор?
Пустые окна университета
в расстрелянном Цхинвале, как укор...

Всем, кто не видел варварской разрухи,
пусть не приснится этот страшный взгляд,
с которым дети, старики, старухи —
на наше безучастие глядят!

Они молчат! Лишь ветер завывает
меж обгоревшей стойкости руин...
Но этот взгляд нисколько не прощает
тех, кто войной пошел на осетин!

Кто выкормил бездарных троглодитов,
которым, правда, дали по зубам,
воjak трусливых, Богом позабытых!
Не знать покоя им ни здесь, ни там!

Был день, как день, по августовски жаркий.
После бомбежек отдыхал Цхинвал.
Осколками — иссеченные парки
усыпаны, как будто щебнем скал.

Сгоревших танков черные скелеты
на перекрестьях улиц городских —
свидетельство сражений, но при этом —
жизнь продолжалась в чайнях людских!

В воротах дома, около машины,
случайно уцелевшей от стрельбы,
увидели дородного мужчину,
сгребавшего последствия пальбы.

«Пухаев Лев!» — представился достойно.
«Прошу друзей зайти в мой бывший дом!»
Он был спокоен. «Что нам смерть и войны?»
Вот только слезы сдерживал с трудом...

«Прошу к столу!» — «Какой тут стол, дружище?
Ведь дома — нет, развалины одни!»
«Есть стол и потолок, немного пищи,
горит очаг — немало в наши дни!»

А, значит, хлебом, солью — дом встречает
всех тех, кто к нам приехал в трудный час!
Всевышний и святой Георгий знают —
друг к другу, грешных, направляя нас!

Есть рог, вино, есть сыр и помидоры!
Все на столе. А то уж ждать невмочь!
Давайте вспомним тех людей, которых
мы потеряли в варварскую ночь!

Прошу простить, что мяса нету в доме!
Такое в этой жизни — первый раз!»
Мы слышали немало тостов, кроме
вот этих слов, так поразивших нас!

Был также тост, немислимый, казалось
в разгромленных кварталах осетин:
«За память детства, что в сердцах осталась!
Давайте выпьем за друзей — грузин!

За тех, кто земляков предать не может,
Какой бы он не получил приказ!
Пусть им Всевышний в скорбный час поможет,
и пусть хранит от злодеяний нас!»

Неписанный закон гостеприимства
был Льву важней, чем танковый разбой!
Бомбить такой народ — пустое свинство!
Он выдержит любой смертельный бой!

Цхинвал живет, пока живут мужчины,
которым слово дружбы, как закон!
Пока согласие есть в стране единой
с названьем вековечным — Иристон!

Вот такой он, Лев Пухаев! Но у нас осталось чувство невыполненного долга по отношению к нему. Приехали внезапно (не рассчитывая на встречу, ибо после той разрушительной ночи трудно прогнозировать, кто выживет, кто нет...) Он нас угощал, а мы не привезли с собой ничего... Даже вода в те дни была привозная, не говоря о хлебе и продуктах. Уже после нашего отъезда Цогоев завез Льву провизию и воду, тем самым, избавив нас от угрызений совести.

Возвращались мы по короткой дороге через Джаву, где посетили дом молодого, но уже известного и активного главы поселковой администрации. Передали через него наше желание встретиться с президентом Кокойты, чтобы уточнить сроки и объемы необходимой помощи.

Уже тогда было предчувствие, что Россия не ограничится вводом своих войск для «принуждения к миру» авантюристов, что близка самостоятельность маленького, но гордого народа. Этот народ, если бы не создавшиеся вокруг него политические интриги, готов был воссоединиться со своими братьями на Севере и с Россией.

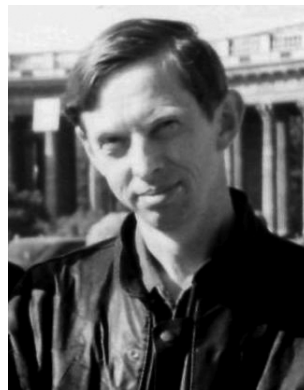
Ведь Осетия исторически никогда не была подчинена ни одному государству, обеспечивая в свое время суверенность той же Грузии от турецкой интервенции

своими воинами на основе договоренностей. Когда-то мужем грузинской царицы Тамары был осетин Давид Сослан, который использовал мощь и храбрость осетинских витязей для защиты Грузии. Все последующие поползновения грузин прибрать к рукам земли Осетии по южную сторону Кавказского хребта пресекались еще русскими императорами, под протекторат которых вошла добровольно вся Осетия, как целостное государство. И только сталинское искусственное расчленение Осетии на Южную и Северную породило претензии Грузии на эту землю. Началось насильственное «огрузинивание» осетин — смена фамилий, переселение и пр. В результате — несколько серьезнейших осетинско-грузинских конфликтов, породивших вражду и непонимание, приведших к геноциду маленького народа Осетии, почище всякого «голодомора», раздуваемого ныне на Украине. К счастью, бездарная попытка уничтожить и стереть с лица Земли осетин — закономерно провалилась.

Но политики приходят и уходят, а народы остаются. И потому Лев Пухаев провозгласил тост за братьев-грузин, с которыми он рядом вырос, возмужал и состарился. Кавказ — толерантен. Но ему не везет на лидеров, которые в собственных меркантильных интересах готовы идти на преступления, чтобы выслужиться перед заокеанскими «спонсорами». Но будущее — не за ними! Мудрость древних народов, кстати, принявших христианство задолго до Крещения Руси, должна победить!

Владимир Кидалов
(г. Санкт-Петербург)

**КАВКАЗСКОЕ ЗАЗЕРКАЛЬЕ:
ЦХИНВАЛ 2008**

Заря и кровь — один багряный цвет?
И смерть, и слезы:

можно и нельзя.

Заряды «града»

— жуткая стезя:

Огонь по детям!

— Это Президент?

Молчат колокола,

но где-то песня — стон.

А день как полночь:

танков марш и... смерть.

Убийства холод, страха круговерть.

И дым и камни,

и Иерихон.

В канаве дети,

и вода — слеза.

Убийца!

Прямо посмотри в глаза!

Жить? Умереть

— все это верх возможностей,

Здесь враг и друг

— бой противоположностей.

Забрать свое? Чужое?

Ночью темной?

Бред сукашвилей в голове фантомной.

В жаре разбоя

— чистый детский взор

Суть зазеркалья: люди и Позор.

Ирина Кедрова
(г. Москва)

ЧЕЧЕНСКИЙ УДАР

«Взаимная ненависть двух народов рано или поздно кончится погибелью одного из них»

Н. М. Карамзин

Застывшее безмолвие дома давило и ужасало. Зина смотрела на аккуратно расправленную похоронку, лежащую на краю стола. На белом листе бумаги четко выделялись слова: «Ваш сын — Елизаров Юрий Павлович геройски погиб...». Погиб? Что значит «погиб»? Как он мог погибнуть, оставив мать без сына? Да нет же, несколько дней назад от него пришло письмо. Юра писал: жив, здоров, скоро вернется. «Готовься, мамуля, к свадьбе. Женюсь сразу, и мы с Татьяной родим тебе внука. Здесь понимаешь, как хорошо жить! И чтобы рядом были любимые люди. Скоро приеду, мама, и заживем мы с тобой...». И вдруг «погиб». Нет, это не про Юру. Какое то село — Самашки, за которое дрался сын? Зачем ему эти Самашки? Есть же родная и милая Сосновая улица. На ней сын бегал мальчуганом, и падал, и разбивал коленки в кровь. В уютном деревянном доме прожили они двадцать лет. И никто Зине не нужен, кроме Юрика. Разве только Имран? Но где он, этот Имран, исчезнувший давным-давно из ее жизни? Что бы сказал он сегодня, узнав, что ее сын, его сын погиб у села Самашки?

«Ваш сын...» — вновь и вновь читала Зина, с трудом понимая, что это написано про ее Юрика, малыша-крошечку, кровиночку, сыночка, которым она гордилась и ради которого прожила трудную жизнь.

Теперь жить незачем. Все, чем была наполнена жизнь, исчезло. Предчувствие беды не покидало с того момента, когда Юра получил повестку: настало время учиться Родину защищать. Его направили в Курск. Там под острым взглядом спецов по войне, не допускавших физической слабости юнцов-первогодков, постигал он тайны военного дела: метко стрелять, подбивать бронемшины, ложиться под танки, прятаться в засаде. Все это видела перед собой Зина, когда читала его веселые, наполненные юмором письма. Ни одной жалостной строчки, более того, казалось, он сроднился с армейской жизнью, ощутив себя частью большого и нужного дела. Писал, что ребята в роте хорошие, дедовщины нет, пригодились умение играть на гитаре: как придет — все солдатские песни ей перепоеет. Первый год службы прошел благополучно, потом от него долго не приходило ни строчки. И однажды в какой-то телепередаче о солдатах в Чечне она увидела Юру. Молодой, здоровый, веселый, боевитый, пел песню о матери, которая скучает без сына, ждет и волнуется, только волноваться не надо, потому что солдат скоро вернется домой. «Нельзя ему там», — больно пронеслось тогда в Зининой голове и ударило в сердце. Никто не знает кроме нее и

Павла, что Юрий — наполовину чеченец, Имранович. Предчувствие беды росло. Оно усилилось со странным звонком из Комитета солдатских матерей — приглашали на встречу с военным командованием. Зина не пошла. Что могли сказать генералы, забравшие на войну ее Юру, не посчитавшиеся со жгучим желанием матери защитить сына, прикрыть «защитника Родины» своим материнским бесстрашием? Предчувствие стало почти осязаемым, нависшим в воздухе, когда она увидела пару дней назад, как отводят виновато взгляды соседи. Когда же вошла в дом, и навстречу метнулось белое лицо Павла, тиски его рук сжали ей плечи и не отпускали, пока она не села на стул, тогда почувствовала она, что сидит на этом стуле у края пропасти.

— Зина,— сказал Павел,— беда у нас.

— Юра? — прошептала она, еще надеясь, что не эта беда прокралась в дом.

Павел склонил голову, и придвинул рукою к краю стола небольшой листок. Гнетущее молчание не уходило. Можно было орать, что есть мочи, биться, изводить себя криками и физической болью, а Зина молчала. Окаменела. Только пыталась понять, что написано на белом листе. «Ваш сын — Елизаров Юрий Павлович...».

Студенческая жизнь Зины в Плехановском институте, Плешке, как его любовно называли, крутилась по давно заведенному порядку: экзамены и зачеты, комсомольские субботники, дружеские попойки у кого-нибудь на квартире или в общежитии, общественные поручения в большом количестве — все, что у других. Только любовь обходила ее стороной. Подруги влюблялись и делились с ней милыми поцелуйными тайнами, собирались замуж, расходились и сходились с любимыми. У Зины не было никого. То ли принципиальная слишком, то ли недотрога чрезмерная, то ли не встретила еще свою жизненную половинку.

— Смотри, дочь, заучишься,— ворчал отец,— и в девках останешься.

— Нечего спешить,— спорила с ним мать,— на наш век мужиков хватит. Пусть институт закончит, встанет на ноги. Самостоятельность еще никому не мешала.

Почему матери так хотелось, чтобы дочь ее была самостоятельной? Не от того ли, что сама всецело зависела от капризов и настроения отца, вспыльчивого и самолюбивого донельзя? Зина отмалчивалась, сжимаясь внутри: у всех есть любимые, а ее судьба обделила. Или отшучивалась, говоря, что проспала, когда господь пары распределял.

Впрочем, нельзя сказать, что она очень переживала и кого-то искала: некогда искать, учила экономику, статистику, бухгалтерский учет, а еще философию, политэкономии, историю партии и много-много того, что предполагалось экономисту необходимым. Кто предположил — неважно, важно, что это у нее неплохо получалось, и в отличие от недотепистых троечников она блистала на курсе знаниями и широкими интересами. С ней рядом учились ребята из разных мест, были и два чеченца — Имран и Ахмад, державшиеся обособленно, всегда спокойно и с достоинством. Студенческих шуток не принимали, занимались добросовестно и всегда были готовы к экзаменам. Словом, ходячий пример скучнейшего первоклассного студента. Похоже, что и Зина своей серьезностью производила столь же грустное впечатление, хотя с однокашниками уживалась и даже попадала иной раз на неумные студенческие вечеринки. Попала она и в новогоднюю компанию, в которой собрались несколько пар — молодожены настоящие и скоробудущие, а также несколько человек, мечтавших о любовном сближении друг с другом. Зина пришла сюда, потому что пригласили и потому что надо же когда-нибудь вырваться из родного дома. Уселись за стол. Сережка, заводила и душа компании, поднял бокал и произнес тост по поводу уходящего года:

— Ну что, друзья, простимся с вертлявой обезьяной? Какой она была, пусть каждый сам решит. Липочка, не смотри влюбленными глазами на Валерку, иначе я вызо-

ву его на дуэль. Петровы, вы в этом году открыли сезон бракосочетаний, и я надеюсь, что больше никто не последует вашему примеру: иначе всех красавиц разберут. С кем мы, закоренелые холостяки, останемся? Зиночка, не гляди букой, у тебя позади трудный семестр, а впереди ворох счастья. В общем, выпьем, друзья, за год уходящий: он был совсем неплох.

Все подняли бокалы, и в этот момент заверещал дверной звонок.

— Ребята,— закричала Липочка,— это сюрпризный гость. Мы и не думали, что он согласится. А он пришел.

Она помчалась открывать дверь запоздавшему гостю, все зашумели в нетерпеливом ожидании. В комнату вошел Имран — с белыми гвоздиками в руках. Следом влетела Липочка, ставя на стол принесенные новым гостем мандарины и бутылку красного вина.

— Ура,— закричали все,— в нашем полку прибыло!

Цветы поставили на стол, а Имарана усадили рядом с Зиной.

— Ты не возражаешь? — спросил он, наливая ей в бокал принесенное вино.— Это отличное вино, оно бодрит кровь и слегка бьет в голову.

— Не рано ли? Что я стану делать с пробитой головой? — попыталась кокетничать Зина.

— Не волнуйся, девушка, это не смертельно.

Имран говорил с кавказским акцентом, голосом чуть глуховатым, тоном, не допускавшим возражений. Его говор обволакивал. Горящие глаза обжигали. Длинные пальцы рук словно призывали к действию. Он, как всегда, спокоен и полон достоинства, похож на шаха, спустившегося с трона к своим подданным, и в то же время, выражает некую, совсем не свойственную этому кругу, почтительность и церемонность.

— Почему ты не поехал домой, Имран? — спросила Зина для поддержания разговора.

— Так вышло,— кратко ответил он.

— Пойдем танцевать, Имаранчик,— вездесущая Липочка на правах хозяйки дома подхватила его за руку, словно собираясь стянуть со стула.

— О, нет, дорогая, прости, я не танцую, не умею.

— Ну и что? Я тебя научу.

— Нет, нет, ты с Валерой танцуй. Я не могу. Извини, дорогая.

Он все же поднялся со стула, проводил Липочку к ее кавалеру, и вернулся назад.

— Пойдем, постоим на балконе, здесь душно,— предложил он, и Зина не отказалась. Странный человек этот Имран, пришел на вечеринку и не танцует, держится обособленно, но словно взял над ней какую-то власть и теперь опекает. Зачем?

Что произошло, не понятно, только никто не мешал им. Будто они вдвоем оказались на необитаемом острове. Впрочем, люди на острове были, однако они не нарушали границу мирка, в котором внезапно оказались Имран и Зина.

Та новогодняя ночь повела их к сближению. Поначалу они лишь приветливо здоровались в институте, перебрасываясь ничего не значащими словами. Как-то Имран вызвался проводить ее домой, не испугавшись далекой дороги, как другие сокурсники, в лучшем случае провожавшие ее до вокзала. Добирались в Мытищи на электричке. По дороге Имран рассказывал о горах, в которых человек проверяется на верность, об узких крутых тропах, на которых двоим не разойтись, о горячем сердце чеченца, умеющего страстно любить и сильно ненавидеть. Зина слушала своего попутчика и пыталась понять, что есть в этом человеке? Гордость или самолюбование? Верность или преклонение перед обычаями? Может ли он любить женщину, или горы заполнили все его сердце? Пытаясь в нем разобраться, она склонялась к тому, что Имран — гордый, свободолюбивый человек, с особым, не совсем ей понятным видением мира. В какой-то момент ей захотелось приблизить его мир к себе. Даже более

того, она подумала: «Как четко очерчены губы, коснуться бы их». Потом опомнилась: «Придумала тоже». В гости не позвала: не хватало еще, чтобы родители переполошились, увидав дочь с кавказцем. Хоть и говорили везде о единой братской семье советских народов, да Зинины родители, она это точно знала, ни за что бы выбор дочери не одобрили.

Весна врывается в людскую жизнь не только теплыми и солнечными днями, таянием снега, набухшими почками на деревьях и первыми зелеными листьями. Она будоражит человека, вкачивает в него потребность любви, и вот уже, оказавшись у весны в плену, ты понимаешь, что любовь захватила тебя. И уже ничего не видишь и не слышишь, кроме любви. Так произошло в ту весну с Зиной: открылись все шлюзы любовных желаний, соединились все мосты, на которых влюбленные должны встретиться. Имран и Зина вдыхали любовный весенний воздух, грелись под лучами восторженности и обожания друг друга. Чеченец оказался совсем не таким сдержанным и спокойным, более того, Зину поглотили его великодушная забота и галантное внимание. Вместе с тем, ей не позволялось и на тысячную долю секунды отвлечься от него, подумать о ком-то другом, даже предположение такое не допускалось. Теперь она знала, что такое влюбленный джигит, и какая огромная ответственность лежит на избраннице его сердца за себя и свое поведение. Все заполнилось Имраном. Весь мир свелся к нему. И все ее профессиональные устремления, вся независимость, которую желала видеть в ней мать, все это развалилось и больше не существовало.

Однокашники быстро разобрались в сути возникших меж ними отношений, с интересом наблюдая за интернациональной парой. Мир отступил и не мешал им. Конечно, это не могло пройти бесследно. В один из июньских вечеров, провозжая ее домой, Имран решительно высказался:

— Зина, у меня нет никого ближе тебя, нам надо пожениться.

Он сказал это уверенным тоном, не допускавшим возражений. Он желал ее и требовал близости. Она бы с радостью согласилась, если бы не отец, который... Но думать об отце не хотелось.

— Имранушка, любимый мой,— нежно шептала Зина,— давай немного подождем.

— Зачем ждать?

— Я так сразу не могу.

На каникулы он уехал домой, так и не получив от нее ответа, она же с нетерпением ждала в своих Мытищах окончания лета, потому что тогда Имран вернется в Москву, и они снова будут вместе. Нет, никто их больше не разлучит.

Когда он вернулся, она была готова на все. Нельзя же расставаться влюбленным только потому, что отец желает русского зятя. Сейчас не прошлый век, люди свободны в выборе любимых. И она свободна. Решительно пришла Зина в общежитие к Имрану, и осталась на ночь в его комнате. Дивная, страстная и странная ночь. И больно, и стыдно, и боязно, но теперь все пойдет по-другому. Детство закончилось. Она начала взрослую жизнь. Пусть еще не оформленную официально, еще не обговоренную с родителями, но эта жизнь захлестнула ее, заставила взглянуть на Имрана другими глазами — заботливыми и счастливыми. Какое счастье быть любящей женщиной и принадлежать красивому, честному, гордому, любимому мужчине!

Мама поняла сразу. Смотрела на Зину, молчала и боялась: вдруг узнает отец. Однажды не выдержала:

— Что ты наделала, дочка? Отец убьет и тебя, и меня.

— Что ты говоришь, мама? Сейчас не те времена. Имран — прекрасный человек! Он — особенный, и мне с ним замечательно!

— А почему не женится?

— Зачем спешить, мама? Сама говоришь, институт надо закончить. Весной он поедет домой, скажет обо мне. У них принято к свадьбе серьезно готовиться.

— Неужели ты уедешь от нас? Это ж далеко...

— А как же, мама? Я за Имраном хоть на край света пойду.

— Да разве ты сможешь там жить?

— Другие живут, и я смогу.

— Милая моя, у них совсем иные порядки. Там женщина дома сидит, мужа слушается, за детьми ухаживает. Сможешь ли так? Ты у нас иначе воспитывалась. В институте учишься, специалистом станешь.

— Мамочка, не переживай. Может, Имран и не уедет отсюда?

Сказала Зина и сама себе не поверила. Врать отцу про подружку в Москве, про электричку, на которую опоздала, про подготовку к экзамену становилось все труднее. Как-то он заставил дочь открыться. Разговор протекал бурно.

— Не смей даже на порог появляться со своим чучмеком,— кричал отец. — Выбери, либо ты дома живешь, как нормальная порядочная дочь, либо убирайся. Не хочу такого позора.

Что было делать? Разумеется, отец — не господь бог и не может решать за взрослую дочь, как и с кем ей жить. Развернулась Зина и ушла из дома, хлопнув дверью.

— И не возвращайся,— кричал вслед отец.

Потом он долго ругал мать, упрекая в том, что не доглядела и вырастила гулящую девку.

— Это все твои разговоры о самостоятельности. Ишь, чего надумали бабы. Самостоятельности им хочется. Чтобы я больше не слышал о Зинке. Не нужна такая дочь, которая срам в дом несет.

Несколько дней Зина прожила у Липочки. Потом они с Имраном нашли комнату на окраине Москвы: поселились у бабы Глаши. И началась семейная жизнь. Денег, конечно, не хватало: на две стипендии не проживешь. Однако родители Имрана, гордившиеся сыном и считавшие, что он не должен ни в чем в Москве нуждаться, присылали то деньги, то посылки. Вскоре Зина устроилась бухгалтером на небольшое предприятие. Работу нашел неунывающий Сережка, тот самый, что призывал год назад проститься с вертлявой обезьяной и весело приглашал впустить в свой дом петуха. Теперь и петух заканчивал годичный срок, впереди маячила верная собака.

Новый год Зина и Имран встречали в совместно обретенном жилье. Баба Глаша уехала на праздник к дочери, и новоиспеченные молодые остались в квартире вдвоем. Отмечали и Новый год, и новую, семейную, жизнь, и принятое ими решение не расставаться никогда.

Дни летели быстро, проскочила зимняя сессия, накатила весна, на майские праздники Имран уехал домой — в далекий и неведомый Грозный. Зина извелась от тоски, хотя тосковать ей некогда: впереди выпускные экзамены, маячило скорое освобождение от института, и ждала независимая жизнь молодого специалиста-экономиста, которому по распределению предписывалось в сентябре выйти на завод. Вообще-то она собиралась уехать вместе с мужем. Оставалось лишь узаконить их отношения. Внутри Зины зародилась маленькая жизнь, о которой еще никто не знал, да и сама она смутно догадывалась, считала и пересчитывала дни календаря. Все сходило на том, что скоро она скажет Имрану о будущем отцовстве.

Две недели его не было дома, и, наконец, ранним утром вернулся. Зина сразу проснулась, притянула его к себе и, обняв, зашептала:

— Имранушка, я соскучилась ужасно. Мне сон приснился: ты машешь мне с берега рукой, а я стою на другом, пытаюсь лодку найти, к тебе переплыть, а лодок нет,— выпалила она.— Как съездил?

— Хорошо. Зиночка, я устал, дай немного поспать, потом поговорим.

Он уснул почти сразу. К Зине сон не шел. Размышляла: сейчас муж проснется, обвинит ее крепко-крепко, спросит, как она без него жила, куда ходила, с кем встре-

чалась. Она ему скажет, что никуда не ходила и ни с кем не встречалась. Во-первых, ей этого не хотелось. Во-вторых, она знает: ему не нравится, когда она где-нибудь бывает без него. В-третьих, и это самое главное, она скоро вообще никуда ходить не будет, а поедет с ним в Грозный, будет жить в его доме и растить его сына. То, что это сын — нет никаких сомнений.

В полдень Имран проснулся. Солнце весело заглядывало в окно, приглашая влюбленных на прогулку. Птицы призывно пели. На сердце у Зины спокойно и радостно. Впрочем, не совсем спокойно. Какая-то непонятная кошка-мышка скребется там, поскольку неизвестно, как прошел разговор Имрана с родителями. Пора уже подумать о свадьбе, иначе придется фатой прикрывать беременный живот. Нехорошо это.

— Ну, как поездка? Как родители? Ты о нас говорил? — нетерпеливо вырвалось у Зины.

Имран долго молчал, подбирая нужные слова, потом ответил:

— Дома все нормально, родители здоровы, слава аллаху. Подыскали мне невесту — соседскую девчонку.

— А ты?

— Что я? Ты — моя невеста. А девчонка эта — маленькая еще. Наши отцы дружат. По обычаю, послушаться отца не могу. Но и без тебя жить не могу. Решил им пока ничего не говорить. Летом поедем вместе, — немного помолчав, отрезал, — и все, прекратим этот разговор. Я сказал, так и будет.

Больше они об этом не говорили. И о будущем отцовстве ничего не сказала Зина. Хотела сказать, да комом то слово в горле задержалось. В июле Имран уехал домой один, полагая, что так лучше: он придет, устроится, откроется родителям и вызовет ее к себе. Однако вызова не последовало. Через полгода пришло из Грозного письмо, в котором Имран сообщал, что обычай предков нарушить не может, а потому женился и просит его простить.

Вскоре после этого письма баба Глаша отвезла Зину в родильный дом, а ее родителям сообщила, что у них родился внук Юрочка. Зина назвала малыша в честь отца, в надежде, что тот смягчит свое непреклонное сердце.

Тяжело возвращение в родительский дом. Однако надо поднимать сына, кормить, одевать, заботиться о нем. Одной это сделать ой как трудно! Мать поохала и приняла внука всем сердцем: не виноват мальчонка в Зининой неразумности. Отец молчал долго, и все же смирился, хотя время от времени бросал на Юрика недовольные взгляды: не нашей породы, не русский. Юра рос смелым и ловким ребенком, с упорным характером. Черные волосы и смуглый цвет кожи выдавал в нем южанина, но серые широко распахнутые глаза подчеркивали родство с Зиниными предками.

Через два месяца после родов Зина вышла на работу по институтскому распределению — в экономический отдел механического завода, к опытным и сердобольным сотрудникам, сразу принявшим ее. Бабушка согласилась сидеть с внуком. «До года, — думала Зина, — а потом отдам Юрочку в заводские ясли». Конечно, бабушка оказалась противницей яслей, но Зине хотелось доказать родителям, что она — женщина самостоятельная — может обойтись без их помощи. И не могла, поскольку одной невозможно и работать, и сына растить. После работы спешила домой к сынишке. Дорога далекая: метро, электричка. Да что поделаешь, коли положено отработать три года? Впрочем, она и не собиралась уходить с завода. Коллектив хороший, профком заботливый, помощь ей как матери-одиночке оказывают. Больно слышать — мать-одиночка, да надо смотреть правде в глаза: действительно одинокая, брошенная, забытая ради каких-то обычаев предков. Может, и хорошо, что не уехала из родных мест в чужие края? Поговаривают: на Кавказе женщине тяжело живется, не имеет она права голоса. Да разве здесь Зине легко? Разве не ловит она настоженные

взгляды, когда гуляет с малышом? «Дети — наше прекрасное будущее, наше счастье!» — слышится из радиоприемника, читается в газетах, только слова эти для многих остаются лишь лозунгами, а ребенок — не такой как все, да еще без отца — это повод укорить его мать и скривить рот при встрече с ним.

Долгий путь на электричке в Москву, о многом передумаешь. В той же электричке, как-то заметила Зина, добирается на работу инженер одного из заводских цехов. Однажды в переполненном вагоне они оказались рядом.

— Здравствуйте, вы в Мытищах живете?

— Да, — насторожилась Зина, подумав: «Зачем ему это?»

Давно ею никто не интересовался. Да и не хотелось ей мужского интереса, обида в ней жила, не угасая. Не нужен им с Юриком никто, им и вдвоем хорошо.

— Я живу в Тайнинке, на Сосновой улице, а вы? — продолжал настойчивый попутчик.

— Какая разница, где я живу?

— Так ведь вместе работаем. Меня Павлом зовут. А вас?

— Зина.

— Вы недавно на завод пришли?

— Да, после института.

— Далековато вам на работу добираться.

— Вам тоже.

— Я — мужчина, а у вас, должно быть, семья, дом, хозяйство. Дети есть?

— Сын.

— А у меня сын и дочь.

И что пристает назойливый папаша? О детях бы лучше думал, да о жене. К счастью, поезд подъезжал к Тайнинке, и инженер заторопился к выходу.

С тех пор они нередко вместе ездили с работы и на работу. Через месяц Зина уже знала о новом знакомом все, или почти все. Он на девять лет ее старше, вдовец, жена умерла при родах, оставив детей: Сережке уже семь лет, а Катюше — пять.

— Что ж вы не женитесь? — спросила Зина. Вдруг испугавшись, что Павел заподозрит ее в бабьей хитрости, добавила, оправдываясь, — Детям мать нужна.

— Нужна, только не каждая способна стать матерью чужим детям.

Прошло еще два месяца, и они поженились. Так появилась новая семья, стали Зина и Юрий Елизаровыми, стал Юрий Имранович Юрием Павловичем. Жили в большом деревянном доме Павла на Сосновой улице. Зина ушла с работы и занималась детьми и домом, Павел постоянно искал дополнительные заработки, чтобы прокормить огромное семейство. Зинина мама успокоилась, видя, что дочка пристроена, а отец примирился: Павел ему нравился своей обстоятельностью и надежностью. Дети приняли отца с матерью, старшие словно забыли, что Зина им не родная, а Юрик и не догадывался, что где-то живет другой, настоящий, отец. Соседи не вмешивались в семейную тайну, родители же о ней не говорили. Те же, кто не знал, наоборот, отмечали, что оба сына в отца пошли, а дочка — ни в мать, ни в отца.

Так и жили долгие годы, мирно и ладно, иногда, как водится, ссорились. Только, когда Юрик учился в классе восьмом и слегка задурил, стал покуривать да пошаливать с местной шпаной, наметился в семье кризис. Впрочем, это трудное время пережили. Сережка тогда в армии служил. Началась чеченская война, и родители боялись, как бы их старший не попал в убийственное пекло. Катюша школу заканчивала. Выросла красавицей, от парней отбою нет. За нее Зина боялась: как бы не увел девку из семьи какой-нибудь «спокойный и сдержанный». А тут еще Юрик надумал учебу бросить, в ПТУ пошел. Нашелся «добрый человек», пожалел подростка, растущего при неродном отце. Раскрытая семейная тайна потрясла сына: стал тот дерзким, недоверчивым. Но терпеливый и рассудительный Павел с этой бедой справился, сумел

парня на ум наставить. Окончил Юра ПТУ, поступил на работу к отцу, на тот же механический завод. Потом серьезно увлекся машинами, устроился на курсы автомобилистов и готовился поступить в автодорожный институт, в котором к тому времени учился вернувшийся из армии Сергей.

Что ни говори, трудная жизнь была у Зины и Павла, но и счастливая. Семья дружная, дом уютный, ребята выросли. Что еще для счастья нужно?

Вспоминала ли она Имрана? Конечно. Он у нее перед глазами каждый день находился, поскольку Юра, становясь старше, все более на него походил, только светлые Зинины глаза сияли на лице. Все остальное — Имран, да и только. Никто этого не знал, кроме Зины. С Павлом об этом не говорили, один раз только, когда в знакомстве утверждались, сказала, что любила далекого кавказца, да тот вернулся на родину, и нет между ними никакой связи. Иногда во сне Имран приходил к ней, протягивал руки, а дотронуться не решался, да она бы и не позволила, даже во сне. Нет, это далекое прошлое, его нельзя пускать в свою жизнь, беречь зажитые раны ни к чему.

Так дожили до Юриной армии. Страна к этому времени сильно изменилась. Пережили и перестройку, и пятьсот великоэкономических дней, и путчи. Не стало Советского Союза, скособочилась братская дружба советских народов. Первая чеченская война стороной прошла. Хотя нет. Зина переживала тогда за каждую мать, что отправляла в Чечню своего сына, только это переживание не было острым. К тому времени как Юрик дорастет до армейского возраста, надеялась она, всех боевиков перебьют и покорят. Так думалось. Иногда, правда, возникал робкий вопрос: а как же живут в войне чеченские дети и женщины? Разве можно жить в разрушенном Грозном? Там, кстати, дом Имрана и его жены, доставшейся ему по родительскому сговору. Гнала Зина от себя эти мысли. Какое ей дело до предавшего ее Имрана и его семьи?

Ее дети выросли, она теперь нужный в обществе специалист. В каждом малом и большом предприятии, во всех этих ТОО и ЗАО нужен грамотный экономист. Кому — кому, а ей работы хватит. Стала Зина осваивать новые финансово-экономические требования. Дебет, кредит, сальдо — все это знает она. Зарабатывает больше Павла. Что ж? Раньше муж семью содержал, теперь пришло ее время. Нормальному мужику с головой сегодня трудно приходится. Не потому что таковой не нужен, просто наступают на пятки молодые, активные, резвые, еще не понявшие жизни, но свободные от ограничений социалистического труда, от равного нищенского распределения. Вписаться в современную экономику трудно мужчине, у которого за плечами пятьдесят с лишним лет. Женщины повыносливей, пооборотистей. Им легче привыкнуть к новшествам. Фирма, в которой работает Зина небольшая, да надежная: заработок у нее верный.

И вдруг — как удар в солнечное сплетение: Юра отправлен на чеченскую войну. Зачем нужна эта война? Кому выгодно убивать русских мальчишек? С напряжением следили Зина с Павлом за кавказскими событиями. Полностью разрушен Грозный, теперь вести идут из Гудермеса. Какие незнакомые названия — Гудермес, Ачхой-Мартан, Бамут, Хасавюрт, Шаами-Юрт! Какие чужие имена — Джахар, Шамиль, Салман, Ахмад! Их убивают и убивают, а они все появляются и появляются, воюют и воюют. Почему? Разве им плохо вместе с великим русским народом? Хотя кто решил, что один народ велик, а другой не очень? Кто позволил так определять народы, стравливать друг с другом, посылать сынов на убийственную войну?

Война пришла в Зинин дом, когда сын оказался ее неумышленным участником. По газетам и телепередачам следила Зина за трагичными военными буднями, пытаясь разобраться, что происходит и кто виноват в этой бойне. Террористы, принесшие беду в русские города, ненавистны. А разве не принесли мы, русские, беду в чеченские города? Кто же будет умнее? Кто поймет, что в этой войне никогда не будет победителя?

Может, позвать незнакомую жену Имрана в свой дом и договориться с ней: давай объединимся и вместе станем спасать наших детей!? Но как объединимся? Это всего лишь слова. Что могут сделать женщины, когда мужчины зарядили пушки, подняли над землей ракеты, бросили в небо самолеты? Говорят, чеченские женщины способны запретить мужьям воевать. Почему же не запрещают? Почему допускают бойню своих детей?

А что делают русские женщины? Что делает Зина? Ждет, когда «правительственные войска уничтожат банды антинародных боевиков»? Почему этих банд так много? Почему сильная российская армия не способна справиться с несколькими бандами чеченцев? Гибнут и гибнут мальчишки из России. Гибнут и те, несносные, непокорные мальчишки, сыновья чеченских матерей.

Ой, не справиться Зине с такими мыслями. Скорее бы вернулся Юра. Вот и Таня, Юрина подруга, ждет его — не дождется. Каждый день прибегает на Сосновую улицу за весточкой, а весточки все нет. Изболелось материнское сердце. Нетерпеливо ждет вестей. И вот пришла страшная весть: «Ваш сын — Елизаров Юрий Павлович геройски погиб...».

Через месяц хоронили Юру в закрытом гробу. Раскрыть его, проститься с сыном, погладить его черные кудри, посмотреть на упрямую складку у рта родителям не позволили. Торжественно играл военный оркестр, незнакомые офицеры боевито произносили патриотические речи, лежала на руках у мужа постаревшая измученная женщина. Она хоронила свою молодость, свое будущее, свою жизнь. Яркий солнечный свет слепил ей глаза, уши оглохли от траурного марша и бесконечных речей, рот уже не мог кричать. А руки, обвисшие словно плети, уже никогда не обнимут самое дорогое, кровиночку-сыночка.

Нет сил у матери. Были бы — поднялась бы над землей, собрала бы все пушки, пулеметы, самолеты, ракеты, танки, гранаты, автоматы. Сбросила бы их с высокой горы в глубокую пропасть, чтоб никому никогда больше не досталось страшное, ненасытное, жесточайшее человеческое создание, чтоб не смели больше генералы уводить мальчишек на войну, чтобы матери и жены не знали больше бед войны, а дети не оставались бы без отцов. Люди, кто поможет матери? Кто возьмет на себя ее беспощадную боль? Нет таких, никто не вынесет великую материнскую муку!

Долго после похорон сидела в недвижности Зина. Ела ли, пила ли, спала ли — не помнила. Павел пытался расшевелить жену, вызвать в ее помутившемся сознании желание жизни. Старшие дети постоянно находились в доме, да не радовало мать их присутствие. Не хотела она видеть и Татьяну, тихое напоминание о несбывшихся мечтах сына. Друзья студенческих лет — Липочка, Валерка и Сережка — приезжали, молчали рядом с ней, не находя слов утешения. Разве утетишь обездоленную мать? День за днем проводила Зина на стуле перед столом, на котором когда-то лежала похоронка.

Вдруг пришла ей в голову мысль: поедет она в Чечню, увидит место, где убили сына, разыщет Имрана и спросит у него: «Ты этого хотел?» и скажет ему: «Ты убил нашего сына!». А может быть, и не убит Юрий? Не видела Зина тело убитого сына. Да, были гроб и похороны, но кто в этом гробу лежал, ей неизвестно. Да, была похоронка, но разве не могли перепутать и прислать в ее дом горестное известие о чьем-то сыне? Про такое писали в газетах и по телевизору показывали. Читала она, как спорили две матери на могиле: одной привезли гроб с телом, а другая откуда-то узнала, что в гробу том и в могиле лежит ее сын. Плакали-рыдали две русские женщины на одной могиле. Может, и у Зины такое случилось? Не видела она, кто лежал в гробу, кого хоронили.

Отговоров не слушала, собралась и отправилась в Москву — в Комитет солдат-

ских матерей. Две маленькие комнаты, столы, тесно прижатые друг к другу и заполненные горестными письмами. В коридоре молчаливая очередь тех, кто надеется вызволить сынов из кровавой бойни. Не все матери оказались в зависимости от чеченских событий, но эти события заставили по-иному посмотреть на то, что происходит в армии. Пытаются они понять и понять не могут, почему бегут солдаты из армии, почему там происходят убийства. Сидят матери молча, почти не разговаривают, перебирают в голове свои мысли, окрашенные протестом и возмущением: у кого-то забрали единственного кормильца, у кого-то избили сына до потери памяти. «Я здорового крепкого сына отдала в армию, а приехал инвалид», «Моего сына избили за то, что он дагестанец», «Где мой мальчик? От него ни одной весточки, ищу и найти не могу». Горе бьет по глазам, вырывается с рыданиями. И все же есть надежда: здесь, в Комитете, помогут, найдут, вызволят. Здесь работают особые женщины, перенесшие боль и потерю. Они знают: нельзя позволять горестным посетительницам рыдать. Рыданиями не поможешь. Их опыт научил: обездоленным матерям нельзя расслабляться. Надо поддержать горестных посетительниц советом и делом. Иной раз приходится вмешаться в армейские порядки, поскольку знают: солдат, сбежавший из части, далеко не всегда виновен, а прокурорские проверки, подтверждающие, что в частях все выполняется соответственно Уставу, не всегда правдивы. И потому ни за что, ни при каких обстоятельствах нельзя возвращать солдата туда, откуда тот сбежал. Со стен комитета «горестно кричат» плакаты, предостерегающие от ошибок и легковёрности. «Матери, помните: возвращение солдата в ту же часть — верный путь к его гибели», — прочитала Зина и подумала: если бы раньше она обратилась сюда, может, и не пришлось бы сейчас горевать? Здесь пытаются помочь. Только можно ли помочь в государстве, отвернувшемся от своих граждан?

В Комитете встретилась Зина с такими же несчастными, как она. Были те, кто навечно потерял сынов своих, и те, кто еще надеялся вызволить их из смертоносной бойни, и те, кто ничего не знал о сыновьях, пропавших без вести, но твердо верил, что надо искать, добиваться правды, вызволять, спасать выросших своих детей. Женщина отдает Родине ребенка не для того, чтобы та бездумно распоряжалась его жизнью!

В Чечню отправились русские матери. Среди них ехала и Зина, не сумевшая жить в родном доме, хранившем память о Юре: о его детских и юношеских годах, о первых ранах на руках и коленках, о слезах, радостях, влюбленности и юношеских надеждах. Поезд, заполненный горем и отчаянием, двигался в Хасавюрт, оттуда, если повезет, отправятся убитые горем и неизвестностью женщины дальше — на поиски своих детей. Рядом с Зиной едет Мария. Где ее сын — неизвестно, получила от него единственное письмо из Владикавказа, писал, что направлен в Шаами-Юрт. Больше писем не было. На все запросы и письма ей отвечали, что сын в госпитале: то в Новочеркасске, то в Нальчике, то в Буденовске. Звонила туда, и везде один ответ — не поступал. Металась Мария и не выдержала — едет сама на поиски сына. Зина тоже едет искать, она теперь убеждена, что Юра жив. В такой неразберихе легко перепутать и отослать матери тело чужого солдата. А вдруг ничего не перепутали, и Юра покоится в подмосковной земле? Зина отодвигается от Марии, не хочет ее слушать: у той еще есть надежда, а у Зины сын погиб. Но нет, так думать нельзя, надо верить. Во что? В неразбериху и равнодушие? В то, что сосланы ребята под командование безответственных людей? И она, мать, не уберегла Юру от этой безответственности и жестокости?

Труден путь в места, где прожил сын последние дни. Нашлись и недруги, не пускавшие ее туда, запрещавшие матери отдать сыну долг памяти. Да разве можно остановить лавину, хлынувшую из российских городов в высокогорные, труднодоступные, заполненные убийственными событиями места? Правдами и неправдами проби-

рались Зина и другие обездоленные матери в края, ставшие последними пристанищами их детей. Не останавливали запреты командования, уговоры офицеров, разумные доводы об опасности, не убеждали патриотические речи. Столкнулась Зина с черствостью и жестокостью, с бездумностью, посылавшей на смерть двадцатилетних мальчишек, с безразличием к материнскому горю. Но видела она стыд и скорбь в людских глазах, а также вечный страх, поселившийся в сердцах, который прятали глубоко внутрь себя те, кто пережил и выбрался из гражданской бойни. Теперь она точно знала: никогда и ни для кого, кто оказался в круговерти военных событий, это не пройдет бесследно.

Поиски сына привели в Моздок. Там она разыскала Юриного армейского друга. Саша и Юра не расставались: вместе служили в Курске, потом их отправили на войну. Саша и рассказал о последнем Юрином бое:

— Нас пятеро было. Оказались в засаде на горном перевале, отстреливались, трое ребят погибли. Я был ранен и последнее, что помню: надо мной склонился чех, так мы боевиков прозываем. Почему-то чех похож на Юрку. Мне даже показалось, что это Юрка стоит надо мной. А Юрка, раненый, неподалеку лежал. У него хватило сил выстрелить в чеха. Тот свалился рядом со мной. Выстрелить в меня не успел. Чехи загыркали, подхватили убитого и унесли, утащили и Юрку. Меня в плен не взяли. Решили: убитый. Ребята потом случайно обнаружили, что я живой.

Саша замолчал, по лицу его проскочила нервная дрожь. Зина смотрела во все глаза: перед нею сидел солдат, мальчик по возрасту, но уже мужчина, столкнувшийся со смертью и сумевший выжить. Такая несочетаемая двойственность, наверное, поселилась и в Юре. Саша-то не сказал, что его убили. Жив, находится в плену? И надо его разыскать, вызволить? Она мысленно просчитывала, что делать дальше. Саша продолжил:

— Меня выходили. Врачи в госпитале опытные, по косточкам человека собрать могут. Вернулся в часть. Чехи предложили обменять Юру на своего. Что произошло, не знаю точно. Я еще в госпитале был. Мне потом рассказали: когда обменивали, и Юра уже шел к нашим — худой, изможденный... Его, наверное, били много, и уж, конечно, не кормили. Говорят, чехи держат наших в темных ямах. Так вот, когда он шел, один из чехов крикнул по-русски: «Не жить тебе. Ты сына моего убил». И пустил автоматную очередь. На него сразу свои набросились, окружили, по своейски лопочут. Видно, не ожидали такого. Нельзя с ними договариваться, все равно обманут. Тут заминка возникла. Наши ребята к Юрке подскочили, а тот уж не дышит. Глаза свои серые раскрыл и в небо глядит...

Говорить Саше трудно. Разве легко матери рассказывать, как погиб ее сын? Такова тяжкая доля друга. Саша сидел, опустив голову, теребя руками ворот гимнастерки. Зина вдруг увидела перед глазами: вот Юра медленно ступает, приволакивая раненую ногу. Синяки и раны от побоев на теле саднят и трутся о грубую ткань одежды, усиливая боль. Его невозможно узнать после побоев. Глаза, привыкшие к темноте, слезятся от света. Каждый шаг сопровождается болью. Но Юра идет к своим. Его спасли, он выжил в страшном плену. Какой-то чеченец сказал ему по-русски: «Ты убил Руслана, старшего сына моего. Я тебя не отпущу. По нашему обычаю кровью ответишь за его гибель. Аллах покарает тебя и твою мать. Лишит твоего отца сына, как ты лишил меня». Чеченец не унимался, требовал Юриной смерти. Его убеждали: смерть русского не вернет Руслана, а обмен возвратит чеченских парней в другие семьи. Убедили. Юра шел к своим. Что за обычай заставил того чеченца выстрелить ему в спину? Юра падал на землю, а в памяти мелькали родная улица Соновая, мать, стоящая на крыльце дома, улыбающийся отец, милая и застенчивая Танюша. «Я вернусь к вам, родные, обязательно вернусь», — думал Юра в последнее мгновение.

Все узнала Зина о сыне. Он погиб, а у нее, по крайней мере, есть холмик, под которым упокоился Юра. Туда, к нему звало материнское сердце. Однако разгулявшаяся судьба приготовила еще одно испытание.

Зина страстно желала попасть в часть, где служил Юрий, поговорить с теми, кто был рядом с ним в последние дни. На войне нет места простой женщине, только Зина была матерью, отстаивавшей свое право на горестное знание. И она оказалась среди Юриных боевых собратьев.

— Хотите увидеть чеченца, убившего вашего сына? — спросил ее подполковник.

Жестокий вопрос, да невозможно на войне обойтись без жестокости. И раз судьба Зинина такова, она это переживет. Ей надо взглянуть в глаза чеченца, плюнуть ему, убийце, в лицо, расстрелять его из автомата.

Перед ней стоял Имран, бывший однокашник, теперь оказавшийся в плену. Это совсем невозможно, и это случилось. Годы состарили его, война и горе давило на крепкие мужские плечи. И все-таки сохранился тот же решительный взгляд жарких глаз, та же царственность шаха, милостиво спустившегося к своим подданным.

— Ты? — выдохнула Зина.

Имран взглянул на нее, и смутная тень догадки мелькнула на непреклонном лице. Боязнь страшной открывающейся тайны, надежда на то, что тайна эта его не коснется, память о русской девушке, захватившей в плен его сердце и не отпускавшей никогда — все это сильным вихрем пронеслось в голове.

— Зина? Как ты сюда попала? Зачем приехала?

— Я сына искала, Имран, нашего с тобой сына, а ты ... — она набрала воздуха в грудь, тот жег ее изнутри, и надо было выдохнуть обжигающее пламя. — Ты убил его!

Она достала из сумки Юрину фотографию — последнюю, сделанную перед уходом в армию, и протянула Имрану. С фотографии смотрел на Имрана улыбающийся темноволосый парень с широко распахнутыми светлыми глазами. Да нет, это не незнакомый парень, это сам Имран. Конечно же. У него дома есть похожая фотография. А еще этот парень удивительно похож на Руслана: такой же вихрь темных волос и непокорный завиток на виске. Если затемнить глаза, и не отличишь.

Молчание было долгим и тягостным. Внезапно Зина осознала, что удар, нанесенный Имрану, — самый страшный. Страшнее смерти. И ничего уже не исправишь. Есть Зина, и есть Имран. Была у них любовь, и был у них сын. Судьба их разбросала, и каждый мучился друг без друга всю жизнь, нанося мальчику, живому творению их любви, несправедливые, хотя им и не осознанные, удары. Впрочем, что винить судьбу, коли сами ее сотворили? Почему она тогда не сказала Имрану о ребенке? Почему молчала все эти годы? Почему он уехал, сдавшись на милость обычаям отцов? Почему бездумно вычеркнул Зину из своей жизни? Они оба есть, а Юры нет. Они оба жестоко наказаны. Жизнь не прощает людских ошибок. Ничего не вернешь. Надо жить дальше. Ей без Юры, с тягостным обвинением себя — не уберегла. Ему — без двух своих сыновей, одного из которых он сам убил, мстя за смерть другого. Говорить было не о чем. Зина встала и вышла из комнаты, в которой сидел чеченский мужчина, окруженный русскими солдатами, убитый словами русской женщины, растерзанный страшным деянием.

Зина возвращалась домой, где ее ждали и любили. Сережа и Катя встретили мать на московском вокзале.

— Мама, — ласково прозвенел Катин голос — мы без тебя страшно скучали. Ты нужна нам, мама!

Дочь прижалась к матери, всем сердцем желая защитить ее от горя. Сережа тоже обнял Зину, и в этом движении проявились сыновья нежность и забота. Молча взяв ее сумку, он направился к билетной кассе.

— Папа поставил на Юриной могиле оградку и скамейку,— сказала Катя.— Он немного прихворнул и ждет тебя дома. Ты не волнуйся, у нас все нормально.

Мчался поезд по Подмосковию, вез Зину к дому, в котором она счастливо прожила много лет, в котором смеялись и играли дети, строились планы, люди заботились друг о друге. Жизнь продолжается. Сейчас она войдет в дом, ее встретит заботливый муж, а завтра они обязательно сходят в гости к сыну. Юра не умер, он перебрался в далекие края, и все равно рядом с ними. Недалеко от дома есть место, где можно посидеть и поговорить с ним. Душа сына ждет этой встречи. А еще у Зины есть воспоминания и Юрины фотографии. А еще есть близкие люди, которые любят ее, любят и помнят Юру. Боль Зинина не утихает, надо научиться жить с этой болью. Только бы никогда больше не коснулось ее дома тягостное крыло братоубийственной войны.

Через несколько месяцев пришло письмо из Чечни, от Ахмада, бывшего сокурсника и верного друга Имрана. Жестокие события, писал он, не прошли бесследно: Имран стал ярким противником войны между русскими и чеченцами. Собственно, это была война тех, кому народы доверили управлять своими делами. Имран погиб. Не могло быть иначе, поскольку новых убеждений ему не простили противники мира, желавшие ценой гибели чеченского народа добиться независимости. «Когда-нибудь, я в это верю, окончится война, и мы обязательно встретимся. Нам есть, о чем поговорить. Прости нас, Зина, и пойми нашу боль, поскольку именно от непонимания, умело использованного политиками, развернулась трагедия, в которой гибнут люди с обеих сторон». Что на это ответишь? Зина положила письмо в свою потайную шкапу, рядом с Юриной похоронкой. Придет еще время, когда станет понятным, зачем была развязана война, в которой погибли Юрий, Руслан, Имран, многие люди, ей неизвестные, но вошедшие болью в ее сердце.

Пусть никогда больше не испытывают матери такую нестерпимую боль, какая захватила Зину. Как помочь тем, кто еще может спасти своих мальчиков? Когда-то она отказалась прийти в Комитет солдатских матерей, полагая, что незачем. В дни несчастья отправилась туда за поддержкой и получила ее от таких же горящих, как она сама, женщин. Теперь Зина знала: нельзя быть в беде одной, надо бороться против беды и предотвратить ее там, где это возможно. Так она стала волонтером Комитета солдатских матерей. Дело, прямо скажем, невыносимо трудное, поскольку каждый раз вместе с матерями, пришедшими сюда за помощью, ей снова и снова приходится переживать и свою не утихающую боль.

